

Линь Цинмэн поднёс руку к губам и легко сдул мерцающий язычок пламени:

— Бессмертный прав, тогда Цяньюй отклоняется.

После этого он снова ответил лёгким поклоном на прощание сидевшим на возвышении главам и, увлекая за собой четырёх человек, собрался спускаться с горы.

Только переступив порог площадки Сюсюйтай, он обернулся, бросил взгляд на Бессмертного Цыхэна, а затем указал на ученика школы стихии дерева, который всё ещё катался по земле, и с усмешкой произнёс:

— Бессмертный, этот ваш новый ученик, пусть на нём и нет тяжких грехов, но дурных помыслов в сердце явно не занимать. Когда вернётесь, потрудитесь хорошенько его наставить и направить на путь истинный.

— Благодарю за напоминание!

Борода Бессмертного Цыхэна снова задрожала, но ему пришлось силой подавить гнев. Тон и выражение лица Линь Цинмэна ничем не отличались от обычных, и было непонятно, говорит ли он это из искренней доброты или же отпускает колкости.

Будь на месте этого непрерывно воющего и катающегося по земле счастливого кто-нибудь другой, он бы не раздумывая прогнал его с горы. Но это был Юань Ци — его собственная плоть и кровь, человек, который по старшинству приходился ему правнуком.

Проявить суровость он не мог, поэтому ему оставалось лишь сердито топорщить бороду и таращить глаза на позорящего его нового ученика, после чего он призвал меч Чисяо и рявкнул:

— А ну забирайся!

Приток тонких струек бирюзовой духовной энергии заставил меч невероятно увеличиться в размерах. Став размером с небольшой корабль, он без труда выдержал более сорока человек.

— Уважаемые бессмертные, я тоже отклоняюсь.

С этими словами он, забрав остальных учеников, удалился на мече.

Фэн Синхэ брёл, опустив голову, позади двух старших соучеников, спускаясь с горы вместе с Линь Цинмэном.

Только что на площадке Сюсюйтай — будь то разрушение молний того надоедливого старика или последовавшее за этим применение Кармического Огня Красного Лотоса — как ни посмотри, духовная сила Учителя никак не могла быть низкой.

Так почему же им нужно возвращаться на Гору Чжаояо пешком? Фэн Синхэ опустил брови, чувствуя себя так, будто жизнь потеряла всякий смысл: неужели придётся снова идти больше полмесяца?

А-а-а! Я ведь целый месяц тащился, карабкаясь и падая, пока добрался до Горы Тайхуа! Ой-ой-ой, и теперь мне предстоит путь назад пешком? Я так устал! Я хочу есть!

Гора Тайхуа возвышалась более чем на десять тысяч жэнь, мало того что крутая, так ещё и вся заросшая блуждающими туманами и зловещими чащами, а диких зверей и духов и вовсе не счесть. Он карабкался несколько дней и чудом выжил, с трудом добравшись до вершины в отведённый срок.

И не успел даже съесть хоть одной горячей плошки риса, как приходится поворачивать обратно.

Чем больше Фэн Синхэ думал об этом, тем более жалким всё казалось, и он мысленно вопил о том, что его жизни конец!

Пока он беспрестанно сокрушался и жаловался про себя, то не заметил, как споткнулся под ноги, невольно подался вперёд и уже летел носом в землю, но пухлый старший соученик подхватил его за ворот:

— Эй-эй, поосторожнее.

— Спасибо, старший соученик.

Фэн Синхэ потёр нос, немного смутившись:

— Как тебя зовут, старший соученик? Не мог бы ты посветить дорогой?

Они спускались с горы уже довольно поздно, и не успели пройти и пары ли, как небо начало погружаться во тьму. Он рассудил так: раз уж тот принадлежит к школе стихии дерева, то создать небольшой огонёк для освещения пути для него наверняка пустяк?

Два ученика с Пика Циу расчищали путь впереди. Услышав эту скромную просьбу младшего соученика, они практически одновременно сложили обеими руками печати и, быстро сменив их несколько раз, зажгли перед собой два холодных огонька — те лишь давали свет, не обжигая ничего вокруг.

Эти двое были первыми учениками, которых Линь Цинмэн принял после того, как обосновался на Горе Чжаояо.

Тот, что был на год старше, звался Хань Ишу, в миру — Чжан Мин; он был невысоким и плотным, а круглое лицо его всегда украшала благожелательная улыбка, из-за чего он

выглядел весьма располагающе.

Второго звали Бо Чэнью, в миру — Чжан Хуань; он отличался высоким и крепким телосложением, черты его лица были резкими и суровыми, а сам он никогда не улыбался, предпочитая ходить с неизменно каменным выражением.

Оба выглядели лет на тридцать, но на самом деле они переступили порог обители уже сто пять лет назад. Когда они только пришли, одному было шестнадцать, а другому пятнадцать, просто духовная энергия Священной Горы изобильна, и годы оставляют на человеке след очень медленно.

Если удастся вознестись и стать бессмертным, внешность и вовсе запечатлеется навечно — как у их Учителя Линь Цинмэна или Бессмертного Цяньюй, которые на вид едва перешагнули рубеж двадцати лет, хотя на самом деле им уже за сто тридцать.

Вот только те, кто обладал подобным природным даром и возносился в столь юном возрасте, встречались крайне редко, поистине единицы на тысячи лет, и второго такого до сих пор не появилось.

— Что ты сказал?

Фэн Синхэ испуганно ахнул, украдкой бросил несколько взглядов на замыкавшего шествие Линь Цинмэна и, придвинувшись к Чжан Хуаню, понизил голос:

— Нашему Учителю и впрямь больше ста лет?

— А ты как думал?

Суровое лицо Чжан Хуаня стало ещё строже:

— Наш Учитель невероятно силен. Вознестись в двадцать с небольшим — такого не сыскать, даже если заглянуть в самые древние времена.

— Точно! И столь привлекательного лица тоже больше ни у кого нет.

Ю Суваньэр неотступно следовала за троицей и прислушивалась к каждому слову:

— Если бы я не принадлежала к стихии огня, ни за что бы не пришла на эти Горы Пяти Духов.

— Младшая сестрица, тебя зовут Ю Суваньэр? Ты и вправду лисица-оборотень?

Фэн Синхэ решил зайти с козырей. Они поступили в ученики в один день, а эта девчонка выглядела младше него, так что она точно приходилась ему младшей соученицей?

— Тц!

Ю Суваньэр издала презрительный смешок, в котором сквозило сплошное недовольство:

— Ты кого это назвал младшей сестрицей?! Я ведь стала ученицей раньше тебя! И вообще, какая я тебе лисица-оборотень, смотри, искусаю до смерти!

Она-то происходила из чистокровного рода девятихвостых лисиц. В восемьдесят лет обрела разум, ещё через шестьдесят лет приняла человеческий облик, и с тех пор прошло уже восемнадцать лет.

— ...

Фэн Синхэ сглотнул слюну. Ладно, назвать её старшей соученицей не было для него большим унижением.

Хотя Линь Цинмэн шёл позади, он отчётливо расслышал каждое слово из болтовни четырёх юнцов. Ему казалось странным абсолютно всё в поведении и манерах Фэн Синхэ, да и неподдельные радость и удивление на его лице вовсе не походили на игру.

У Фэн Синхэ прежде тоже была духовная жемчужина, некогда он был любимым принцем Государства Фэнлай.

Много времени назад он уже был учеником Горы Чжаояо, вот только пробыл на горе недолго и перед людьми почти не появлялся, так что, должно быть, никто его больше и не помнил.

Изначально он обладал выдающимся талантом, и в те дни, когда только поднялся на гору, вёл себя дерзко и развязно, к тому же без конца увивался за ним и донимал знаками внимания. Но когда он действительно полюбил его, этот мелкий негодяй вдруг собрался вернуться в Государство Фэнлай, чтобы взять жён и наложнок.

Разумеется, это были лишь несбыточные мечты. Позднее, в те дни, когда они продолжали мучить друг друга, сладость приносило разве что одно лишь слияние тел. Словно два ёжика, они прижимались друг к другу, но лишь ранили партнера до крови своими иглами.

Только вот в конце концов Фэн Синхэ всё же сбежал. Сбежал — и ладно, так ведь ещё запятнал себя демонической ци и пал во тьму...

Линь Цинмэн потратил больше половины своей духовной силы, чтобы спасти его никчёмную жизнь, и много лет прятал и выхаживал его, прежде чем тот пришёл в себя. Вот только его духовная жемчужина оказалась слишком сильно источена скверной...

— Рр-р-р...

Пока они оживлённо беседовали, в мрачной лесной чаще внезапно раздались мерзкие, зловещие вопли, и из темноты со всех сторон выскочили с добрый десяток диковинных зверей. Телом они напоминали гигантских оленей с белыми конскими хвостами, лица и руки у них были человеческие, под туловищем — четыре лошадиных копыта, а на голове красовались четыре рога; их громкие крики напоминали рёв свирепых хищников.

— Мамочки мои!

Фэн Синхэ с воплем отпрыгнул за спину Чжан Мина, выглянул оттуда, испуганно глянул на чудищ и тут же спрятался обратно:

— Старший соученик, эти монстры гонялись за мной вчера целый день! Кто бы мог подумать, что они будут караулить меня прямо на дороге с горы.

— Младший соученик, не бойся!

Произнеся это, Чжан Мин уже собирался призвать оружие.

— Постойте, отойдите.

Линь Цинмэн в два шага вышел вперёд, останавливая движение Чжан Мина, и одновременно протянул руку, вытягивая за собой Фэн Синхэ.

— Раз уж они явились за тобой, тебе самому и предстоит с ними разобраться.

— Учитель, я, я не справлюсь!

Фэн Синхэ был готов заплакать. Накануне он едва не угодил в пасть к этим чудищам и чудом уцелел: ему повезло схватить заострённую палку и случайно выткнуть монстру один глаз, после чего он успел взлезть на дерево и ускользнуть от звериных зубов.

— Не справишься?

Линь Цинмэн повернулся и быстрым взглядом окинул его; паника на лице юноши вовсе не казалась фальшивой.

— Ты... ты раньше видел своего Учителя?

Он хотел спросить «Ты что, совсем меня не помнишь?», но в последний момент на лету изменил несколько слов.

— А?

Фэн Синхэ растерялся от такого вопроса. К чему это он? Разве сегодня не их первая встреча? А-а! Как же болит голова!

Он яростно замотал головой, так что в глазах рябило:

— Не видел! Учитель, я правда не справлюсь!

Чудища тем временем уже изготовились броситься на них.

— Замолчи!

Линь Цинмэн шагнул за спину Фэн Синхэ, почти заключая его в объятия. Правой рукой он перехватил его запястье, длинными пальцами властно подогнув указательный и средний, а левую прижал к его спине меж лопаток. Говорил он быстро, но чётко и ясно.

— Собери мысли воедино. Сила стихии дерева — это сила самой природы, повелевающая ветром и молнией. Почувствуй, как духовная сила циркулирует в твоём теле, и собери её в одной точке.

У Фэн Синхэ выступил пот на лбу. Он всю сглатывал слюну, глядя на чудищ, которые уже готовились прыгнуть прямо на него, но внутри него тем временем нарастало ощущение полноты и силы — он отчётливо чувствовал, как мощный поток духовной энергии хлынул со спины в его тело.

Эта энергия заструилась по меридианам, и, когда он мысленно закрыл глаза, в мгновение погрузившееся во тьму, перед его взором проступили нити бирюзовых духовных путей. Он почувствовал, что способен управлять направлением этих потоков.

— Повторяй за мной.

Холодный голос Учителя прозвучал над самым ухом. Фэн Синхэ молча кивнул, его тело постепенно расслабилось, а пальцы, зажатые в руке Учителя, повторяли движения за ним.

— Зову Цзяо, Кан, Ди, Фан, Син, Вэй, Цзи! Взываю к силе востока, пусть семь звёзд явят грозный блеск, падите!

По мере того как пальцы Фэн Синхэ совершали движения, мощная сила стихии дерева вычертила в воздухе магическую печать, объединившую созвездия востока. Едва сорвалось слово падите, как с неба грянул раскат грома, и несколько молний безошибочно обрушились на прыгнувших вперёд и оказавшихся совсем близко чудищ.

Два монстра рухнули на землю, испуская клубы дыма, судорожно дёрнулись пару раз и затихли.

— Какая мощь!

В восторге воскликнул Фэн Синхэ, а затем поттерел пальцы, словно всё ещё ощущая там остаточное тепло.

Линь Цинмэн разжал пальцы и отступил на шаг:

— Попробуй сам.

Этот глупый мальчишка и впрямь не притворялся. С каких это пор он стал признаваться, что в чём-то не силен? Уж не потерял ли он память? Неужели поэтому он так нежно и сладко зовёт его Учителем?

— Падите!

— Падите!

Фэн Синхэ уныло глянул на жалкие искры на кончиках пальцев, которых едва хватило бы, чтобы прихлопнуть комара. Остальные чудища, было испугавшиеся и отступившие назад, при виде такой картины снова ринулись вперёд.

<http://bllate.org/book/22359/2344013>